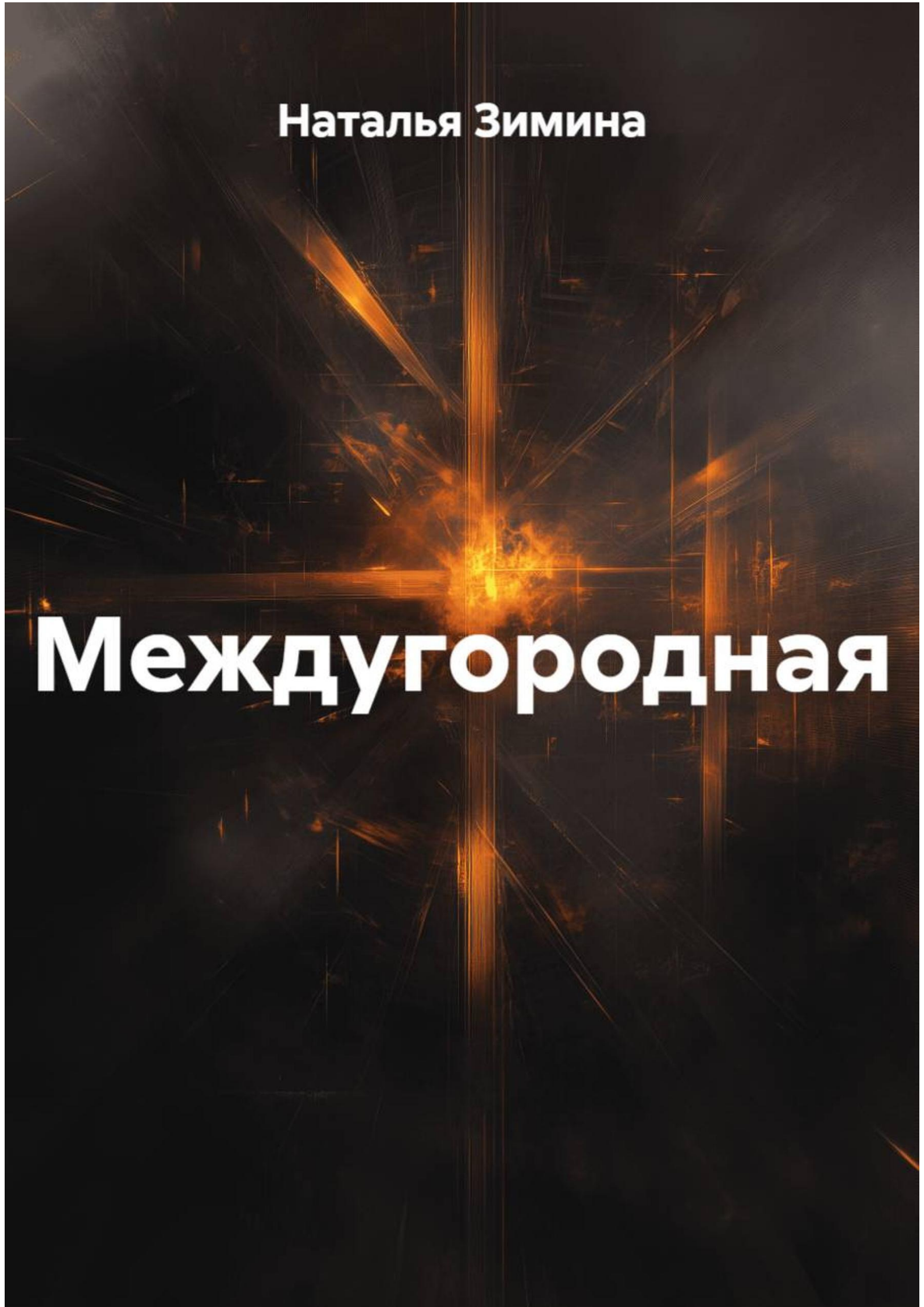

Наталья Зими́на

Междугородная

Наталья Зимина

Междугородная

«Автор»

2026

Зими́на Н. Ю.

Междугородная / Н. Ю. Зими́на — «Автор», 2026

Зоя Аркадьевна — последний телефонист ручной связи. Сорок семь лет она соединяла людей и узнавала триста голосов по одному дыханию. Станцию закрыли — в мире теперь говорят с голосами умерших, собранными из цифровых следов. В бывшем кинотеатре открывается колл-центр сервиса «Продолжение», и Зою берут «оператором последней инстанции» — живым человеком для тех, кому не хватает машины. А в три тридцать три ночи на её кухне звонит старый чёрный телефон, подключённый к последней в стране медной линии. Ровное дыхание. И цифры — номера гнезд её станции, за которыми стоят живые, мёртвые и стёртые. Тихая повесть о том, что соединяет человека с человеком, — и о том, что половина разговора — молчание.

© Зими́на Н. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Междугородная	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Наталья Зими́на

Междугородная

Междугородная

повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СТАНЦИЯ

Ручную телефонную станцию в Ошме закрывали в четверг, потому что в пятницу было некогда.

Зоя Аркадьевна Журавлёва проработала на ней сорок семь лет и могла бы рассказать, чем пахнет коммутаторная — лаком, карболкой и чуть-чуть грозой, потому что перед грозой медь в гнездах начинала едва слышно пощёлкивать, как косточками в стакане. Но рассказывать было некому: последнюю смену она сидела одна.

Когда-то станция соединяла четыреста двенадцать абонентов: фанерный комбинат «Красный профиль», райпотребсоюз, больницу, школу, милицию, пожарку и триста с лишним квартир, где стояли аппараты тяжёлые, как гири, — с таким диском, что ребёнок, случалось, набирал номер двумя руками и языком от усердия.

Теперь гнезда стояли пустые. Сто маленьких вокзалов, откуда все уехали.

Зоя Аркадьевна не была сентиментальной женщиной. Сентиментальность — роскошь, а у неё всю жизнь была работа: услышать, понять, соединить, не соединять лишнего. Она знала триста голосов по дыханию. Серьёзно — по дыханию, ещё до того, как человек скажет «алло». У страха дыхание короткое и сверху. У горя — длинное и как будто из погреба. У влюблённости — быстрое, смешливое, человек дышит и уже улыбается. Первой в посёлке она узнавала обо всём: кто ночевал плохо, кто решился, кто прощается.

В четыре часа дня пришёл Слава из района, вёл себя, как врач у постели неопасного больного, — бодро и на цыпочках. Сказал: линия ещё повисит месяц, «контрольный провод», пожарные требования, а вообще — поздравляем с выходом на пенсию, вот грамота, там внизу печати.

— А станция? — спросила Зоя Аркадьевна.

— А станция — музей. Уже согласовали. Всё, как есть, оставим, и шнуры, и лампочки.

Она кивнула. Ей уже слышалось, как через десять лет экскурсовод будет говорить детям: «а вот так соединяли вызовы», и дети будут тыкать пальцами в гнезда, как в кости динозавра. Ну и ладно. Динозавр у неё был хороший. Он сорок семь лет умел слушать.

В последний вечер она, не торопясь, как перед дальней дорогой протирают посуду, прошлась салфеткой по полю, по каждому гнезду. В гнезде двадцать три — на станционном языке «два-три» — когда-то жил Скворцовых Колька, утонувший в восемьдесят восьмом. В гнезде семнадцать — Тамара, уехавшая то ли в Свердловск, то ли в счастье. Зоя Аркадьевна знала всех, кто жил в этих гнездах, включая тех, кто умер, включая тех, кого уже никто, кроме неё, не помнил живым.

В половине шестого позвонили. Не по инструкции, не с проверки — просто позвонили на станцию, по медному проводу, из телефона-будки у больницы, которую тоже собирались сносить. Баба Нюра Кулакова, восемьдесят один год, набрала «ноль».

— Зоя, — сказала баба Нюра. — Соедини меня с дочкой. В Нижневартовск.

— Нюра, — сказала Зоя Аркадьевна. — Тебе же мобильник внук привёз.

— Он разговаривает не тем голосом, — сказала баба Нюра. — Соедини как следует.

И Зоя Аркадьевна, последний телефонист ручной связи Российской Федерации, взяла тяжёлый шнур — тяжёл, как сытый уж, его носили на плече, как удава, — вставила его в гнездо,

в старое, отработанное за десятилетия движение, от которого на выбеленном поле оставалась маленькая тёмная точка, как след от укола пера. И соединила. Как следует.

ГЛАВА ВТОРАЯ. РАДИУС

Зоя Аркадьевна жила в двухкомнатной квартире на третьем этаже, из окна была видна река, пешеходный мост и кот Модем.

Кота звали Модем, потому что на рассвете он пел долгую связь — «и-и-и-у-у-у», — и это было единственное наследие уходящей эпохи, которое никого не раздражало.

Радиус у неё был свой — человек, проживший жизнь на станции, не может не иметь радиуса. В радиус входили: баба Нюра (сердце, дочка в Нижневартовске), Пантюхины (оба глуховаты, друг друга не слышат, но вместе), Файзуллины через двор (у них всегда всё хорошо, но проверять надо), бывший фельдшер Арон Моисеевич (почти не встаёт, читает, ждёт сумерек) и ещё человек двадцать. Если кто три дня не брал трубку, Зоя Аркадьевна шла сама — с пирогом, под предлогом и раз и навсегда установленной нормой: постоять, посмотреть в глаза, уйти, не задерживая. Пироги у Журавлёвой — это не еда, это способ узнать, жива ли Ошма ещё.

Ошма жила. Хуже, чем раньше, — лучше, чем говорили. Фанерный комбинат умер в девяносто девятом и лежал за рекой серым остовом, но в посёлке остались школа, ларьки, церковь без купола (купол ждал спонсора) и люди. Люди вообще удивительно остаются; про это не пишут отчётов, потому что отчёты пишут о тех, кто уехал.

Дочь Лариса звала её в Казань. Внучка Аля звонила из Москвы по видеосвязи, связи обрывались, Аля говорила: «бабуль, ты меня слышишь?», и Зоя Аркадьевна отвечала: «слышу, Аля, говори» — и слушала про работу, про «проекты», про мужчину по имени Кирилл, о котором Аля говорила тоном «вроде хорошо, но». Такой тон она слушала особенно внимательно: за жизнь на таком тоне ей передали, наверное, две тысячи судеб.

Муж её, Григорий, инженер с фанерного, умер в две тысячи девятом, тихо, во сне, как выключенный. Она с ним не прощалась — не успела, так вышло; и всю жизнь потом, засыпая, говорила ему короткое: «Гриш, ты как». Это не было сумасшествием. Это было продолжение связи по одностороннему проводу.

От станции ей остался провод. По пожарным требованиям музеев, в который превратили коммутаторную, держал до её квартиры контрольную медную линию, и старый дисковый аппарат, чёрный и тяжёлый, вернулся на кухню, к окну, где прожил всю её жизнь. Ночами в трубке жил длинный гудок — чистый, беззвучно-поющий, как струна, — и от него, признаться, она спала лучше: линия цела, есть куда звонить.

А в конце октября, в три тридцать три ночи, телефон зазвонил.

Она не испугалась — ночных звонков за жизнь она приняла больше, чем скорые. Сняла трубку и сказала своё, рабочее:

— Говорите, вас слушают.

Сначала было дыхание. Не тяжёлое, не простуженное — ровное, слишком ровное, как у человека, который никогда не спал. Потом голос произнёс цифры:

— Два — три. Один — семь. Пять — пять.

И тишина. И короткие гудки.

Зоя Аркадьевна посидела немного с трубкой в руке. За окнами Ошмы горело пять освещённых окон — она знала всех пятерых. На остановке через дорогу светился плакат, который она раньше не разглядывала как следует: «Разговоры, которые не закончились».

Она положила трубку и сказала Модему:

— К утру рассосётся.

Утром не рассосалось. Но об этом — дальше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «ПРОДОЛЖЕНИЕ»

К тому октябрю, когда зазвонил чёрный телефон, будущее уже полгода как наступило — худо-бедно, через пень-колоду, но наступило.

Будущее называлось «Продолжение». Тот самый плакат с остановки. Разговоры, которые не закончились. Бренд был повсюду — на остановках, в телевизоре, в телефонных пуш-уведомлениях, которые умеют находить человека по глазам. Смысл был простой и поначалу всем казался милосердным: пока вы живёте обычной жизнью, сервис собирает — с вашего разрешения, разумеется, и с разрешения наследников, разумеется тоже, — цифровые следы ваших умерших близких: голосовые, письма, фотографии, чаты. И собирает из них голос. Не «похожий». Их. Он помнит, как вы называли друг друга, он ждёт вас на линии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.